

Арзамазов Алексей Андреевич

КАТЕГОРИЯ ИНФИНИТИВНОГО ПИСЬМА В УДМУРТСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ 1910-1930-Х ГГ. (СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ)

В статье на материале лирических текстов рассматривается сквозная структурно-семантическая составляющая языка удмуртской поэзии 1910-1930-х гг. - категория инфинитива, которая оказывается средоточием концептуальной коммуникативной энергии, является метафизическим императивом авторского сознания, художественно-грамматической проекцией исторических нарративов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (14). С. 15-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.512.122

В статье на материале лирических текстов рассматривается сквозная структурно-семантическая составляющая языка удмуртской поэзии 1910-1930-х гг. - категория инфинитива, которая оказывается средоточием концептуальной коммуникативной энергии, является метафизическим императивом авторского сознания, художественно-грамматической проекцией исторических нарративов.

Ключевые слова и фразы: язык удмуртской поэзии; инфинитивное письмо; коммуникативные стратегии; структурно-семантические вариации; «риторика эпохи».

Алексей Андреевич Арзамазов, к. филол. н.

Отдел филологических исследований

Удмуртский институт истории языка и литературы

Уральское отделение Российской академии наук

arzami@rambler.ru

КАТЕГОРИЯ ИНФИНИТИВНОГО ПИСЬМА В УДМУРТСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ 1910-1930-Х ГГ. (СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ)©

Инфинитивы в структуре поэтического произведения выполняют различные функции: инфинитив в композиционно-семантической структуре с предикатом является регулярным слагаемым концептосферы поэзии, участвует в моделировании эстетико-художественного, риторико-коммуникативного, грамматико-синтаксического уровней индивидуально-авторской картины мира. Наибольшего семиотического значения инфинитивы достигают, образуя так называемое инфинитивное письмо (ИП). Под инфинитивным письмом подразумеваются тексты, содержащие достаточно автономные, независимые инфинитивы, однородные инфинитивные серии, зависящие от одного управляющего слова и, благодаря своей протяженности, развивающие мощную инерцию [2, с. 210]. В поэтических текстах имеют место самые разные ситуации развертывания инфинитивов: скупые единичные инфинитивы (впрочем, контекстуально порой обретающие статус смысловой доминанты, ключевого слова), «двухэтажные» инфинитивы, разветвленные «инфинитивные гроздья», взаимосвязанные с деепричастиями и обстоятельствами, ритмизируют внутритекстовое пространство. Инфинитивное письмо разной степени репрезентативности может рассматриваться не только *sub specie* синтаксических позиций и возможностей, но и в когнитивном измерении конкретного текста / серии текстов. Говоря о семиотике инфинитива в русской поэтической традиции, А. К. Жолковский обращает внимание на ореол виртуальной реальности, на инобытие, как бы стоящие за инфинитивным письмом. Исследователь замечает, что «установка на автономные инфинитивы предполагает высокую риторичность построения» [Там же]. Инфинитивы могут быть сфокусированы на реагирующей субъект, его желания, мысли и действия, они часто представляются антропоцентрическими маркерами художественного переживания. А. К. Жолковский [1, с. 261-270; 2], Г. А. Золотова [3; 4], И. И. Ковтунова [5], О. Н. Панченко [7] считают, что инфинитивы в рамках художественного текста являются носителями специфического медитативного наклонения. Данное наклонение, нетипичное для повседневной коммуникации, осуществляет функцию вывода лирического субъекта в особый психологический континуум - континуум рефлексии, созерцания, воображения, предчувствия, воспоминания, творения.

Инфинитивное письмо в удмуртских поэтических текстах с точки зрения количественных и качественных показателей - почти *terra incognita*. Выявляемая замкнутость удмуртского ИП обуславливается тем, что оно в силу иной ступени развития национального языка грамматически и семантически менее самостоятельно и независимо по сравнению с русским ИП, коммуникативное назначение удмуртских инфинитивов до конца не прояснено. Гипотетически можно предположить, что относительно природы удмуртского инфинитивного письма речь может идти об определенной «агглютинативности» поэтического сознания.

Удмуртская поэзия начала XX столетия, составляющая революционную и постреволюционную парадигму национальной литературы, отличается частотностью, развернутостью, рефренностью инфинитивов. Это фактически первые поэтические попытки говорить о важных социальных преобразованиях и экзистенциальных потрясениях на языке иного уровня, который по-настоящему только начинал формироваться и постепенно двигаться в сторону некоего подобия единства. Рассматривая поэтические произведения удмуртских авторов 1910-1930-х гг., необходимо прокомментировать выбор художественных кодов, к которым стремится авторское сознание. Возникает ощущение, что поэты специально примитивизировали удмуртский язык, конструируя некую лингвопоэтическую схематичность, предельную четкость повествования, не очень совпадающую со стихийной, непредсказуемой природой лирического слова. Несколько искусственный поэтический язык, создаваемый в угоду социалистическим потребностям/настроениям, довольно сложно, «неровно» переводится на русский: русскоязычные версии кажутся по меньшей мере странными, нелепыми, художественно несостоявшимися. Активность инфинитивов в удмуртских произведениях 20-х гг. XX столетия,

реализующихся как риторические построения, в какой-то степени обозначает попытку разрыва писателя с фольклорной доминантой творчества.

Поэтическая мозаика 1915-1935 гг., отраженная в антологии «Кылёз лёгем но пытымы...» («Мы след оставим на земле...») [6], свидетельствует о неоднозначности становления художественной картины мира - дидактическая и описательно-констатирующая функции литературных произведений преобладали над априорными эстетическими основами художественности. Удмуртская поэзия первых трех десятилетий двадцатого века - литература побудительного наклонения, которое, по всей видимости, несколько замедляло тематическое, мировоззренческое развитие национальной словесности. Главное стремление удмуртских писателей на данном историко-литературном этапе - быть понятным, услышанным, играть роль просветителя. Вероятно, поэтому наблюдаются некоторое упрощение поэтического мышления, осознанная фильтрация значимых лингвокультурных знаков (снижение метафор, принципа иносказательности, сужение семантики образов и т.д.), что может символизировать и желание оторваться от фольклорно-мифологического «словаря» культуры. Инфинитивное письмо в стихотворных текстах ниже рассмотренных авторов имеет различные формы: самостоятельные и зависимые, серийные и одиночные, осложненные и неосложненные; за инфинитивами стоят творческие интенции, мотивы, диктуемые «риторикой эпохи».

Очевидно, что репрезентативность инфинитивов согласуется с эмотивным содержанием текста, инфинитивное письмо как бы усиливает нарастающую назидательность авторского высказывания, является грамматическим кодом агрессивного несогласия/противостояния и/или, напротив, решительного одобрения и приятия: «*Кылчин-убир Колчак нимо / Потїз дуннез саптань, / Съод калыкез пöяны усто, / Вуж законэн улыны. / Калыкез мозмытїсь, Ленин нимо, / Вордскїз вьль закон пуктыны, / Куанер калыкез утыны, усто / Ужась калыкен улыны... / Колчак лыктэ эксэй луыны, / Котыраз министр пуктыны... / Ленин лыктэ кенеш сётны, / Котыраз крестьянэз возыны*» (Ильин Я. Колчакен Ленин) [Там же, б. 143] - «Упырь по имени Колчак / Вышел мир *испоганить*, / Темный народ ловко *обмануть*, / По старым законам *жить*. / Освободитель народа, по имени Ленин, / Родился новые законы *утвердить*, / Бедный народ *защитить*, / С рабочим народом *жить*... / Колчак идет *царём стать*, / Вокруг себя министров *посадить*... / Ленин приходит совет *дать*, / Вокруг себя крестьян *держать*...» (Ильин Я. Колчак и Ленин). Инфинитивы в данном случае не только образуют «музыку» текста, ритмические стены стихотворения, но и участвуют в организации исторического фокуса повествования, способствуют утверждению авторского видения исторических событий. Рассмотренные в аспекте семантики инфинитивы в большинстве своем относятся к двум тематическим группам, условно их можно обозначить как «инфинитивы экзистенции» и «инфинитивы движения». Инфинитивы в тексте соперничают с деепричастиями на *-са*, создавая иллюзию синтаксической усложненности. Цепочки инфинитивов, как правило, инкрустированы в текстовое целое объемных поэтических произведений, к слову, таких как «Ужась муш но узыри» («Рабочая пчелка и трутень»). Однако в данном стихотворении хорошо ощутимы «инфинитивные паузы», когда серия инфинитивов на десятки строк прерывается, и их воссоединение как бы происходит в конце текста, грамматически подготавливая финал: «*Аслыз но толбыт улыны / Сиён-юон со дася; / Муш мумылы но сиыны / Сиён-юон со люка... / Узыр доры мынїз но / Айда, шуиз, ужаны; / Бусыын чечы туж уно, / Кул сое бичаны. / Тани сїзьыл вуэ, тол вуэ, / Сиён кулэ дасяны! / Айда, шуиз, мыномы / Бусые валче ужаны!... / Ачид ик мыныса лоба аль, / Ужаны монэ эн дышеты!... / Караз пыриз, изыны выдїз. / Мон, шуиз, жади аль, / Чурка котырын кырзаса! Только солы озь изыны / Эрик öз сётны ужась муш...» (Камашев А. Ужась муш но узыри) [Там же] - «И для себя зиму *зимовать* / Запасы она готовит; / И пчелиной матке *поест* / Запасы она делает... / К трутню она пошла / Пойдём, сказала, *работать*; / Запасы надо *готовить*! / Давай, сказала, пойдём / Вместе в поле *работать*!... / Сама иди, слетай-ка, / Работать меня не учи!... В улей залетел, *спать* лег. / Я, дескать, устал, вокруг чурки песни распевая! / Только так ему *поспать* / Не дала рабочая пчёлка...» (Камашев А. Рабочая пчелка и трутень). Приведенный фрагмент являет собой довольно специфическую модель функционирования инфинитивного письма: обычно в зоне удмуртского поэтического ИП разыгрывается ситуация начала действия (глагол *кутскыны* - начинать), здесь же инфинитивы подчинены стратегии незамедлительного действия (*айда* - давай, *кулэ* - надо), встречается лирически нечастое употребление инфинитива с отрицательной формой повелительного наклонения (*ужаны монэ эн дышеты* - работать меня не учи). Инфинитивы в стихотворении А. Камашева в ряде случаев сцеплены с предикатом *шуыны* «сказать», составляя тем самым особое пространство назидательной коммуникации. Произведение изобилует сложными временными инверсиями - действие развивается от прошедшего к настоящему, и даже прошедшее время связано с актуализацией событий в настоящем. В аналогичном императивно-побудительном модусе оказываются инфинитивы в стихотворении Я. Ильина «Удмурт дышетскисьлэн кырзанэз» («Песня удмуртского учащегося») [Там же, б. 146]: в тексте реализуется характерный для удмуртской устно-поэтической традиции параллелизм. Корпус текста состоит из нескольких четырехстрочных строф, каждые две строчки из четырех находятся в образно-ассоциативной связи с удмуртским фольклором, а другие две отвечают за дидактические, просветительские интересы автора.*

Инфинитивное письмо в поэзии 1910-30-х гг. часто сопровождается наивно-философской рассудительностью «Я» или «Мы». Пример - стихотворение К. Чайникова «Мар-о карод?» («Что поделаешь?»): «*Лул асьмелы сётэмын - вöсьяскыны, / Сюлэм сётэмын - яратыны; / Только тодны кулэ, кинэ яратыны, / Туж тодны кулэ, кинлы вöсьяскыны*» [Там же, б. 149] - «Душа нам дана - *молиться*, / Сердце дано - *любить*; / Только нужно *знать*, кого *любить*, / Очень нужно *знать*, кому *молиться*». В тексте наблюдается уплотнение ИП: в традиционной четырехстрочной строфе наличествует сразу шесть инфинитивов, усиливающих

экзистенциальную матрицу произведения и придающих тексту оттенки медитативности. Репрезентативная инфинитивная серия, развернутая по всей протяженности текста, имеет место в стихотворении И. Векшина «Юись пилэн өпкелемез» («Раскаяние пьющего парня») [Там же, б. 150]: ИП в этом тексте соотносится с предупредительным содержанием стихотворения и имеет склонность к «сворачиванию» инфинитивных форм (напр., *малпан кутски - малпаны кутски* - думать начал; *шуын зудэм - шуыны зудэм* - сказать затруднился; *вордын өд тоды - вордыны өд тоды* - вырастить не смогла).

ИП в поэзии 1910-30-х гг. задействовано в поэтических рассуждениях о социально-экономической и ментальной роли удмуртского народа, инфинитивы оказываются содержательно связанными с этносоциальной идентификацией: «*Мар бон луэм медам мыным / Удмурт луса вордйськын, / Мар бон луэм медам мыным / Пыдме кутчаса ветлын? / Аслам мусо кузпалэным / Шуныт коркан улыны, / Кубистаен, кешырйёсын / Перог гинэ сиыны. / Таче род кезьытйёсын / Сэндыраын кыллыны, / Мыльёс потон дырья гинэ / Зеч вальёсын ветлыны*» («Лудкеч») [Там же, б. 157] - «Почему бы мне / Удмуртом *не родиться*, / Почему бы мне, / Обувшись, *не ходить*? С милой женой / В тёплом доме *не жить*, / Пироги с овощами *не есть*. / В такие лютые холода / На полатах *не лежать*, / Только по желанию / На хороших лошадях *не ездить*» («Защ»). В этом произведении М. Ильина инфинитивное письмо представлено как полными, так и редуцированными формами, и что еще более важно - инфинитивы не сопряжены с доминантными глаголами, они в большинстве ситуаций обретают высокий индекс грамматической самостоятельности. Особой книгой в проекции на количественные и качественные показатели ИП является поэма Е. Евсеева «Пож чер» («Грязная болезнь»). Поэма продолжает просветительскую серию произведений, направленных на ускорение интеграции удмуртского этноса в обновленное постреволюционное бытие. Книга посвящена не просто борьбе с сифилисом, захватившим «куст» удмуртских деревень, она ставит вопрос о необходимости радикального изменения мировоззренческих координат, уклада жизни целого народа. Художественное просветительство Е. Ф. Евсеева по отношению к родному народу может показаться довольно жестким, даже - неэтичным. Для реализации своего авторско-просветительского *message* поэт неоднократно прибегает к повышению градуса страха в глазах возможного читателя: он пытается изобразить «неправильного» современника-удмурта «на дне», погрязшего в трясине языческих суеверий и отсталых деревенских взглядов. Сама поэма состоит из нескольких небольших частей, каждая из которых соотносится с тем или иным фрагментом сюжета. В тексте разворачивается лиро-эпический тип повествования: его поддерживают конкретные языковые универсалии, придающие восприятию ощущение правдивости, достоверности. Важная роль в структуре произведения отводится инфинитивному письму. Инфинитивы в тексте выступают как серийно, так и одиночно, участвуя в развитии различных действий и мотивов. Так, во втором стихотворении поэмы инфинитивная цепочка является доминантой изображения внутреннего портрета лирического субъекта: «*Сиыны-юыны мылкыдо, / Ныльёсын юмшаны кык пыдо; / Эриктэм карыны көбертэм, / Пуны кадь нокилзэ шугасьтэм. / Огназ ныл пумитаз ке шеде, / Мусо кыл вераны кариське, / Кояса-вояса лйятэ, / Ас дораз лыктыны буйгатэ. / Даурзэ со озьы ортчытэ, / Ныльёсыз пъяны яратэ, / Гурт калык пыдулзэ вандыны / Тодымтэ, кызы-мар карыны*» («Пож чер») [Там же, б. 160] - «*Поесть-попить* любитель, / С девушками *гулять* двуногий; / *Обесчестить* не боится, / Как собака никого не боится. / Если девушка одна ему навстречу идет, / Ласковые слова *сказать* ей решается, / Словами льстивыми успокаивает, / К себе *прийти* уговаривает, / Жизнь свою он так проводит, / Девушек *обманывать* любит, / Деревенский народ не знал, как почву из-под ног его *срезать*, что с ним *делать*». Инфинитивы указывают и на позитивность действия: «*Егитйёс кутскизы чутырак / Куашкамеж жутыны котырак, / Куспазы ужаны вожмасько, / Виль улон пуктыны малпасько*» («Грязная болезнь») [Там же, б. 161] - «Молодые начали решительно / Разрушенное вокруг *поднимать*, / *Работать* они спешат, / Новую жизнь *построить* хотят». В поэме имеют место инфинитивы знахарства / магического исцеления, которые, вероятно, повышают этнокультурную специфику текста, и в это же время, исходя из авторской позиции, репрезентируют отсталость, обращенность народа в «неактуальное» прошлое: «*Туно учкиз висёнзэс, / Малляз өжыт йырсиэс, / Небыт кылын вераськиз, / Тунацкыны кариськиз. / Тунам бере пелляны / Кулэ, - шуиз туночи; / Висёнйёсты бурмыны / Кутскозы, пе, туж капчи. / Егит калык зудэмын, / Чаляк косо эмьяны; / Туно өдяз со куспын / Егитйёсыз пелляны*» [Там же, б. 164] - «Туно (знахарь) осмотрел их, / Погладил по волосам, / Мягко с ними поговорил, / *Поворожить* решил. / После ворожбы, *лечить* нашептыванием / Нужно, - сказал туно (знахарь); / Болезни ваши *излечиваться* / Начнут очень легко. / Молодые люди растеряны, / Просят скорее *вылечить*; / Туно (знахарь) между тем приступил / Молодых *лечить* нашептыванием». Болезнь, являющаяся по сути художественной метафорой состояния общества, как ключевой символ произведения генерирует инфинитивный дискурс. И в финальных строфах поэмы наблюдается уплотнение ИП. Процесс и результаты борьбы с болезнью и, в целом, с инфантильной невежественностью героев вновь оформляются в виде инфинитивных переключек: «*Висёнэн нюръяськись отрядэз / Туж сэрыт со ыстйз эмьяны. / «Дэриен» пачкатэм калыкез тазалык мугоро карыны... / Быдтыны куртчанги висёнзэс, / Докторлэз кылзыны кыл сётйз. / Со саяна, кенешын пуктизы / Нимтулысь манет тыр люканы; / Октылэм коньдонэн пуктизы / Буш юртэз больница медьяны*» [Там же, б. 167] - «Отряд для борьбы с болезнью, / Он очень скоро направил *лечить*. / «Грязью» раздавленный народ - / *Оздоровить*... / *Уничтожить* болезнь сифилис, / Доктора *слушаться* обещал (народ). / Кроме этого, на совете решили: / С каждого по рублю *собрать*, / На собранные деньги постановили: / Пустующий дом под больницу *снять*».

Меньше инфинитивов в поэтических текстах Даниила Майорова, что, по всей вероятности, объясняется более выразительной лиричностью его художественного слова, более глубинной связанностью с образной

системой удмуртского фольклора, которая, быть может, является неким семиотическим заместителем некоторых грамматических универсалий, зачастую закрывающих «мыслительные лакуны» писателя. Инфинитивы у Д. Майорова, как правило, появляются там, где актуализируется социально-политическая проблематика, и, напротив, отступают лирические интересы. В творчестве еще одного представителя постреволюционной удмуртской поэзии Ивана Еремеева ИП также занимает видное место, являясь в первую очередь инструментом рифмовки (инфинитивы, преимущественно, сосредоточены в конце строк). Инфинитивные формы в его текстах очерчивают разные тематические группы: и лирическо-сентиментального, и социально-содержания. Инфинитивное письмо поэзии И. Еремеева в ряде фрагментов затрагивает тему творческого самовыражения, поэтического самоопределения, правда - без развернутой рефлексии, лишь декларативно.

Ключевое место в удмуртской поэзии (литературе), литературной жизни 1920-1930-х гг. занимает Михаил Тимашев. На фоне иных, рассмотренных выше, художественно-эстетических опытов творчество М. Тимашева выделяется не только жанровой универсальностью, но и сложностью поэтического языка, глубиной исторической памяти, интертекстуальными отсылками к русской поэзии рубежа XIX-XX столетий. Поэма «Камит», впервые изданная в 1931 году, фокусирует противостояние между удмуртами и людьми графа Шувалова (людьми царя, русскими), освоившими в XVIII столетии территории около Ижевска. Главный герой поэмы Камит олицетворяет энергию удмуртского сопротивления, автор наделяет своего персонажа лидерскими качествами: он готов вести за собой народ, сопротивляться неравному большинству. Камит - своеобразный удмуртский Робин Гуд, защищающий бедных и угнетенных. Вместе с тем, сюжет и темперамент поэмы отдают идеей революционного обновления действительности. Исторические события XVIII в. корреспондируют со стихийностью и драматичностью 20-30-х гг. прошедшего столетия, но в новой версии, в новой социально-политической перспективе как бы разыгрывается реванш - удмуртский этнос якобы обретает долгожданную свободу. И героем новой реальности, при условии включенности в преобразованную жизнь, может стать любой человек. С точки зрения ИП поэма представляется нетипичной. Во-первых, риторические модусы назидательности и побудительности здесь ослаблены, и инфинитивы, как правило, не сопрягаются с высвечиванием авторской идеологической позиции. Во-вторых, инфинитивы - несерийные, одиночные: они не образуют «гроздь» в пространстве одной строфы. Важнейшей особенностью инфинитивов в поэме «Камит» является их усеченность (отсутствие конечной гласной *-ы* (*улыны* > *улын* - жить), выпадение *ы* перед инфинитивным показателем *-ны* (*адзытыны* > *адзытны* - заставить увидеть): усеченных инфинитивных вариантов в тексте даже больше, чем обычных, недеформированных. Данный грамматический ход может свидетельствовать об «обостренной» диалектности поэтического языка М. Тимашева.

ИП как релевантный грамматический признак фигурирует в творчестве Александра Эрика, одного из ключевых поэтов обозначенного периода. Его поэтический мир - мир художественных экспериментов, синтеза народной символики и образного языка обновленной реальности, который грозно и весьма однообразно раскрывался в удмуртской постреволюционной литературе. Отсюда - особая роль удмуртских инфинитивов в произведениях А. Эрика, грамматически как бы усиливающих безапелляционность социалистического миропонимания. Инфинитивы А. Эрика часто подчеркивают невозможность положительного события/действия применительно к пассивности/неизменяемости прежнего мироустройства: «*Кин мыным вералоз, / Кин мыным адзытоз? / Уз быгат сое вераны одйг мурт! / Уз быгат сое адзытны вужем гурт!...*» («Сяськаос») [Там же, б. 225] - «Кто мне расскажет, / Кто мне покажет? / Не сможет *рассказать* это никто! / Не сможет *показать* это старая деревня!...» («Цветы»). Как и у М. Тимашева, в стихотворениях А. Эрика немало усеченных инфинитивов. В то же время регулярно встречаются достаточно развернутые инфинитивные серии, состоящие из четырех-пяти глаголов в строфе: «*Букварь дышетйз монэ лыдзыны, / Дуннез, улонэз валаны. / Гожеяны дышетйз со монэ - / Пырыны, ужаны вель тусо улонэз...*» («Букварь») [Там же, б. 231] - «Букварь научил меня *читать*, / Мир, жизнь *понимать*. / *Писать* он меня научил - / *Работать, входить* в новую жизнь...» («Букварь»). Высокая частотность и относительная грамматическая сложность инфинитивов наблюдаются в стихотворении А. Эрика «Мумилы» («Маме»), где инфинитивное письмо представляется существенным элементом монолога авторского «Я»; его художественная речь обращена к матери, которую необходимо убедить в ценностях нового времени, которой непременно нужно рассказать о решительных внутренних переменах, произошедших с сыном благодаря революции: «*Мемие, / Дыр ёвёл аракы юыны, / Куректыны. / Ваньэз кушитй соосыз дэрие / Басьтыны луонтэм лёганы. / Аракы юыны / Кулэ мынэмьсь дугдыны. / Нош ми мынйськом / Азьлане / Събрттэм кужьсьмен, / Куректон-аракез кельтйськом / Берлане!...*» - [Там же, б. 226] - «Мама, / Нет времени вино *пить*, / *Горевать*. / Всё это я бросил в грязь, / Чтобы *растоптать* навсегда. / Вино *пить* / Пора уже *прекратить*. / А мы идём / Вперёд / Безудержной силой, / Горькое вино оставляем / Позади!...

Очевидно, что инфинитивное письмо в удмуртской поэзии 10-30-х гг. - не просто рядовая часть грамматической клавиатуры текстов, которая лишь периферийно участвует в моделировании художественной системы. ИП оказывается важной единицей в коммуникативном пространстве лирического произведения, когнитивным императивом авторского сознания. Удмуртские инфинитивные серии, имеющие различные вариации (разное количество составных инфинитивов, неодинаковая степень их зависимости от иных членов предложения, позиция в художественном тексте (начало - середина - конец текста), мотивный ансамбль, разные риторические функции), на протяжении трех десятилетий развития национальной лирики образуют довольно устойчивый дискурс. В отличие от русского инфинитивного письма, связанного с поэтизацией окружающего мира, с художественным развертыванием виртуально-медитативной реальности, инобытия (идеального, возвышенного, сатирического), удмуртское ИП по преимуществу представляется орудием риторического воздействия, осознанно-неосознанным маркером «идеологической обработки» потенциальных

читателей. Дидактичность инфинитивов в удмуртском поэтическом искусстве первых трех десятилетий XX века соотносится с эстетическими пробелами художественных миров. Вместе с тем, инфинитив в корпусе удмуртских стихотворений применяется и для гармонизации рифмы, для организации относительной мелодико-звуковой четкости, проникновенности. Однако в этих случаях инфинитивные конструкции с точки зрения современного поэтического языка выглядят по меньшей мере инструментом примитивного сглаживания острых углов поэзии, способом избежать возможной ритмической неровности лирического текста. Удмуртское инфинитивное письмо в целом отражает языковые, культурологические стратегемы национальной литературы рассматриваемого периода: инфинитивы назойливыми сетками покрывают поверхность стихотворного текста, закрывая эстетическое *niene* социалистическим пафосом и создавая зону идеологической напряженности. В то же время уровень развития удмуртского литературного языка еще не способствует грамматико-семантическому многообразию инфинитивности, сужая ее семиотические, художественные возможности.

Список литературы

1. Жолковский А. К. Об одном казусе инфинитивного письма (Шершеневич - Пастернак - Кушнер) // *Philologica*. 2004. № 7 (17/18). С. 261-270.
2. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 600 с.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 367 с.
4. Золотова Г. А. О композиции текста // Золотова Г. А., Окипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 528 с.
5. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
6. Кылёз лёгем но пытымы...: удмурт. лит. хрестоматия-практикум (1918-1935-тӱ арьёсы) / люказы, радъязы но вал-эктонъёс сётӱзы С. Т. Ареева, Г. А. Глухова. Ижевск: Удмуртия, 2008. 328 б.
7. Панченко О. Н. Номинативные и инфинитивные ряды в строю стихотворения // *Очерки истории русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста*. М.: Наука, 1993. С. 81-100.

**INFINITIVE WRITING CATEGORY IN UDMURT POETIC LANGUAGE OF THE 1910-1930S
(STRUCTURAL-SEMANTIC VARIATIONS)**

Aleksei Andreevich Arzamazov, Ph. D. in Philology
Department of Philological Researches
Udmurt Institute of Language and Literature History
Ural Branch of Russian Academy of Sciences
arzami@rambler.ru

The author considers the prevailing structural-semantic component of Udmurt poetry language of the 1910-1930s by lyric texts material - infinitive category, which appears to be conceptual communicative energy concentration, the metaphysical imperative of author's consciousness, and the artistic-grammatical projection of historical narratives.

Key words and phrases: Udmurt poetry language; infinitive writing; communicative strategies; structural-semantic variations; "epoch rhetoric".

УДК 81

В статье предлагается сопоставительный анализ представленности понятий «человек» и «множество» в семантическом, словообразовательном и фразеобразовательном аспектах. Исследуемый материал показывает широту и глубину реализации понятия «человек», обусловленные универсальностью самого понятия. Автор рассматривает формы сопряженности понятий, что позволяет выявить специфику национального мировосприятия носителей казахского и русского языков.

Ключевые слова и фразы: понятия «человек» и «множество»; сопряженность понятий; сопоставительный анализ.

Бахыт Кусаиновна Аязбаева, к. филол. н.

*Кафедра методики и практики русского языка и литературы им. Г. А. Мейрамова
Казахандинский государственный университет им. академика Е. А. Букетова, Казахстан
bahit0108@mail.ru*

**ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЙ «ЧЕЛОВЕК» И «МНОЖЕСТВО»
В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАЗАХСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ©**

Сопоставительное изучение языков уходит корнями в XIX век, когда сравнение языковых фактов становится основным методом сравнительно-исторического языкознания [6, с. 34]. Основной задачей сопоставительного метода лингвистического описания является исследование закономерностей современного